

76.103
Щ45
СА-399749

М. И. Щелкунов

ИСКУССТВО КНИГОПЕЧАТАНИЯ В ЕГО ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

М. И. Щелкунов

ИСКУССТВО КНИГОПЕЧАТАНИЯ В ЕГО ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

Книга доступна на образовательной платформе «Юрайт» urait.ru,
а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»

Москва • Юрайт • 2023

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

СА-309749

Оглавление

Предисловие	7
Глава 1. Значение книгопечатания	14
Глава 2. Полиграфические искусства	20
Глава 3. Происхождение письменности	23
Глава 4. Памятники древней письменности	27
Глава 5. Изобретение и распространение бумаги	36
Глава 6. Печатание в древнее время	41
Глава 7. Книгопечатание в Европе до Гутенберга	50
Глава 8. Гутенберг и его изобретение	59
Глава 9. Распространение книгопечатания в Европе	73
Глава 10. Некоторые итоги	88
Глава 11. Углубленная гравюра на меди	99
Глава 12. Положение книгопечатания в XVI—XVII веках	106
Глава 13. Иллюстрированная книга в XVIII веке	114
Глава 14. Эволюция книгопечатания в XVIII веке	129
Глава 15. Литография	142
Глава 16. Иллюстрированная книга в XIX веке	154
Глава 17. Фотомеханические способы иллюстрирования	161
Глава 18. Машинизация типографского дела в XIX—XX веках	170
Глава 19. Наборные и словолитные машины	185
Глава 20. Машинное производство бумаги	195
Глава 21. Современное книгопечатание на Западе	201
РАЗВИТИЕ КНИГОПЕЧАТАНИЯ В РОССИИ	
Глава 22. Начало книгопечатания на Руси	209
Глава 23. Иван Федоров и Петр Мстиславец	217
Глава 24. Книгопечатание в России в XVII веке	224

Глава 25. Книгопечатание в России при Петре I.....	232
Глава 26. Николай Иванович Новиков.....	247
Глава 27. Книга в России в XIX и XX веках.....	255

Предисловие

При чтении лекций по истории искусства книгопечатания в Московском Институте Журналистики, при организации Музея Книги, ныне — Постоянной выставки книжного искусства при Госуд. Румянцевском Музее, и при других своих работах по книжному и типографскому делу автор досадно испытывал отсутствие на русском языке книги, которая давала бы возможность быстро ориентироваться в истории полиграфических искусств вообще и истории книги в связи с историей культуры — в частности.

Отсутствие в университетах России кафедры библиологии (книговедения) — вероятно, главная причина этого уродливого явления: казенные ученые мало были расположены к даже эпизодическим экскурсиям в область, не сулившую блестящей научной карьеры в условиях царского режима, — режима, представители которого имели все основания считать честную книгу своим злейшим врагом, неуловимым и иногда более опасным, чем террористические выступления против агентов власти.

Отсюда — трудность сводных работ по истории книги в России: в распоряжении библиолога — несколько монографий, с ценнейшими работами хранителя Архива Старопечатного Двора А. А. Покровского во главе, да труды П. Пекарского, Н. Лонгинова, И. Владимирова и других, не посвященные специально изучению книги как продукта типографского искусства. И — этих работ так мало, что они заметно подавляются библиофильскими трудами каталожного типа любителей и друзей книги, как Д. В. Ульянинский, А. Е. Бурцев, В. А. Верещагин, Н. Оболянинов, Г. Геннади, Н. В. Губерти, В. С. Сопиков и другие. Ни одного сколько-нибудь солидного научно-критического труда, посвященного изучению замечательной личности Ивана Федорова и его «клеветра» — Петра Мстиславца! Ни одной **социологической** истории книги. Этот упрек, впрочем, следует отнести и к европейским ученым: кроме отдельных случайных намеков, — автору не известно ни одной работы, где бы появление тех или иных изобретений и усовершенствований в этой, имеющей для современной культуры все большее значение, области — было объяснено изменяющимися требованиями книжного рынка.

Требования рынка? Следовательно, автор рассматривает книгу как товар? Да, поскольку речь идет о предмете, рассчитанном на потребление, конечно, книга — товар, производство которого подчи-

няется всем требованиям рынка и всем законам научного товароведения. И, конечно, лишь слабым интересом научного материализма к вопросам искусства объясняется хаос, царящий в этой области науки, предоставленной «идеалистам» — эстетам, нагромождающим тысячи фактов, имен, названий книг, гравюр, литографий, — не давая себе труда или не умея поглубже понять и объяснить, что тот или иной род искусства в ту или иную эпоху создавался или испытывал упадок в полной зависимости от вкусов и потребностей заказчиков и покупателей, то есть рынка. Если в область станковой живописи и в область скульптуры историки-материалисты вносят все большую стройность и подлинную научность, то в области искусства книги мы не знаем подобных пионеров.

Больше того, самые термины: «искусство книги», «искусство книгопечатания» эстетами-искусствоведами понимаются довольно своеобразно. Для них — искусство книги или совсем не существует, или является искусством украшения, декорирования, в первую очередь — иллюстрирования книги. Как мало библиофилов, способных оценить красоту книги, в которой нет ни одной иллюстрации, ни одного украшения. Как много эстетов, не признающих искусства книги потому, что книга размножается во многих экземплярах. Здесь — несомненное наличие буржуазной психики с «правом исключительной собственности» на первом плане.

Для автора настоящего труда — искусство книги не только искусство, равноценное живописи или скульптуре, но и более важное: оригиналом художника-живописца изредка любитесь какой-нибудь капиталист, повесив картину у себя в зале, а печатная копия с картины становится доступной тысячам людей. Быстрый прогресс типографского искусства и производства анилиновых красок принесет, вероятно, в ближайшие десятилетия полную возможность для художника — написанную им картину напечатать в множестве экземпляров, совершенно похожих на оригинал. Эта, в сущности, победа интересов коллектива над интересами индивида-буржуа, покупателя картины, принесет, вероятно, много радости каждому сознательному художнику — и благодаря этой победе искусство книгопечатания по своему значению оставит далеко за собой станковую живопись, сделав ее уделом отдельных любителей, закоснелых в индивидуализме.

Кроме того, значение искусства книги гораздо шире, конечно, этих рамок — искусства иллюстрирования; и не только воспроизведение рисунков художника делает искусство книгопечатания подлинным и наиболее важным для эволюции не только материальной культуры искусством. Рассматривая всякое искусство как мастерство, как стремление к совершенству техники мы не имеем решительно никаких оснований считать искусство книгопечатания, или искусство полиграфии, стоящим вне ряда других искусств.

Задачи нашего искусства мы формулируем так: воспроизведение в наиболее удобной форме, наиболее усовершенствованными способами, с наибольшим мастерством и в наибольшем числе экземпляров, соответственно потребностям рынка, — произведений письменности, живописи и графики.

Здесь надо избегать смешения двух терминов: полиграфия и графика. Полиграфия — искусство многопечатания, графика — искусство рисования, имеющее громадное значение в деле иллюстрирования книги благодаря пользованию легко воспроизводимыми при печатании эффектами от контраста белого и черного, красного и черного и т. п. Но мастерство рисования иллюстрации для книги и мастерство воспроизведения этой иллюстрации — не *графическими*, а *полиграфическими* способами — смешивать нельзя, учитывая все же их взаимную зависимость.

Ответим и на трафаретный вопрос: неужели напечатанная на плохой бумаге, некрасивыми шрифтами и плохой краской книга или газета — есть произведение искусства? Ответим — вопросом: неужели живопись или поэзия — не искусство от того, что рядом с Леонардо и Пушкиным — ломаются бесталанные футуристы и им подобные, подменяющие гениальность и мастерство крикливой спекуляцией на новизну и революционность? Неужели кувшин плохой гончарной работы — достаточный материал для отрицания высокого искусства керамики?

Как относится искусство книгопечатания к другим дисциплинам, входящим в состав библиологии? Если библиология есть часть научного товароведения, то ведает она, несомненно, товар совсем особого рода: те, кто любит и знает книгу, кому она доставляет наиболее светлые и чистые радости — могут, вправе называть себя «рыцарями книги». Не странно слышать: «библиофил», «книголюб». Но странно звучало бы: «дереволоб», «рыцарь дегтя». Странно — ибо книга является претворенным в материальную форму результатом иногда самой глубокой человеческой мудрости, самого высокого вдохновенного стремления человека к красоте.

Поэтому — книжное товароведение (библиология) включает более сложный круг наук, чем товароведение любого другого продукта производства. Здесь — пять главных дисциплин: 1) производство книги — искусство книгопечатания, 2) распространение книги — книжная торговля, 3) хранение книги — библиотековедение, 4) изучение внутреннего содержания книги и классификация книг по содержанию и форме — библиография, 5) отношение государства к книге — законодательство о печати и цензуре. Каждая из этих отраслей, конечно, имеет свою, большую и интересную, историю, — и каждая дисциплина тесно связана с четырьмя другими, как пять пальцев на руке, как пять побегов от одного корня. И у нас все основания утверждать, что именно история искусства

книгопечатания является той основой, незнание которой является крупнейшим препятствием для изучения соседних дисциплин. В России это понимали иначе — и немногие библиотекари и библиографы имеют хотя бы смутное представление о Баскервилле или Бодони, гелиогравюре или меццо-тинто — в чем автор убеждался много раз на горьком опыте.

Конечно, история искусства книгопечатания — область наиболее трудная для изучения и весьма обширная; здесь мы встречаемся со многими изобретениями, многими миллионами напечатанных книг — считая только число изданий. Здесь необходимо сказать о письменности и ее памятниках, об отношении государства к книге, иногда — неизбежно — о внутреннем содержании книги, о влиянии культуры и, следовательно, содержания книг на эволюцию книжного искусства. При этих всех условиях — работа по сводной истории книгопечатания является чрезвычайно трудной. И трудность не уменьшается от постоянного назойливого вмешательства в историю книги двух милых союзников абсолютизма и государственных религий, — вмешательства, весьма рельефно выразившегося в отсталой России.

Книга как носительница культуры, в самой себе заключающая всегда по самой природе свой элемент искания, стремления к раскрытию все новых, неизвестных областей для человеческой мысли, — всегда вперед к истине, — не могла не являться жесточайшим врагом абсолютизма и государственной религии, консервативных по самой природе своей: все новое грозит отнятием власти.

Наиболее воинствующей в этой борьбе с культурой и книгой была церковь, что и понятно: духовенство везде вообще и в России в особенности, при невежестве населения, считало за собой монополию на просвещение: «тело — государево, душа — божья». Много мешало этой монополии — и прежде всего мешало культура. Отсюда — духовный гнет, во всех его тягостных проявлениях, изжитый — и то далеко не совсем — Европой, испытывавшийся Россией — до октября 1917 года и сильно чувствующийся отсталыми массами еще теперь.

Вправе ли мы говорить о религиозном гнете? Нам приходилось даже слышать вопрос: да какое же отношение имеет религия к истории книгопечатания? К сожалению, очень большое. Проповедь Христа — если он когда-либо существовал — против фарисейства государственной иудейской религии послужила основой для измышления сотен разных исповеданий, взаимно враждующих, иногда — готовых истребить всех «врагов»-христиан. Некоторые из этих исповеданий, приспособившись к идеологии деспотизма или, что немногим лучше, просвещенного абсолютизма и с ними сроднившись, великолепно служили этим последним — послушным орудием для духовного порабощения народных масс. Духовенство,

удивительно легко превратившееся в духовное чиновничество — легко, ибо это было выгодно, — имело все основания всячески поддерживать эту выгодную связь. В результате — захват духовной власти в руки «наместников», «представителей» Христа, и борьба, — как часто кровавая, — с врагами духовного и светского деспотизма. В результате — все мерзости католического средневековья, с его кострами из людей и рукописей, когда кровь жертв «наместников Христа» смешивалась с «кровью и телом Христа», и весь ужас темной Руси до Петра — «сплошной панихиды», по выражению Тютчева. В результате — трогательное единение помещика и темного крестьянина, паука и мухи, подходящих под благословение увешанного орденами епископа, корыстного и косного слуги самодержавия. В результате — противодействие духовенства развитию книгопечатания, реформам Петра, деятельности Н. И. Новикова, восстанию декабристов — *выгодным для народа, для России, но невыгодным для духовенства.*

У автора этой книги, начавшего свой жизненный путь в 1891 году учеником в Бакинской губернской типографии, испытавшего затем пять изгнаний из учебных заведений по причинам религиозным и «за направление», «увенчанных» получением университетской золотой медали, в своей долгой университетской жизни и после 1917 г. — уже два десятка лет стоящего в разных ролях, журналиста, техника и библиотекаря — около книги или печатного станка, накопилось много «ума холодных наблюдений», о которых здесь не нужно распространяться, но которые никогда не опровергли одного положения: с одной стороны — правительство + духовенство + буржуазия + казенная наука, с другой — угнетенные и приниженные в своей нужде массы, на стороне которых — в первую очередь — *честная книга.*

И поэтому — автор радостно исполнил, как мог, эту трудную задачу — написать для нового читателя, читателя, мозги которого освобождены от тысячелетнего гнета буржуазно-церковной культуры, книгу, в которой бы сжато, понятно, живо и полно — по отношению к главным моментам развития, и без соблазнительной полемики — была написана сложная, но интересная история искусства книгопечатания. Автор знал, для кого он пишет, — для молодых товарищей, на которых полная ответственность за дальнейшее осуществление важнейшей в мире задачи — добиваться воплощения в жизнь лучших чаяний и надежд человечества. Писать для нового читателя, часто только начинающего читать, обязывает: ни одного факта без тщательной проверки — как бы это ни было трудно, — по принципу: «не верить в то, что не может быть доказано». Ни одного вывода другого автора, ни одной цитаты без точного указания откуда она взята. В то же время — самостоятельная и независимая проработка всего материала под углом исторического материализ-

ма. Автор далек от мысли о совершенстве своего труда, но он знает, что сотни тысяч томов, прошедших сквозь его библиофильскую оценку, дали ему тот кругозор, без которого немислим сколько-нибудь серьезный подход к этой теме, и что его социологические выводы вряд ли легко опровергнуть.

Конечно, для библиографа будет диковинным — прочесть, что углубленная гравюра на дереве или гравюра в красках или ксилография появились по экономическим причинам; автору этой книги, в свою очередь, непонятно, как можно изучать какую-либо область науки, иногда — посвящая ей всю жизнь, — не интересуясь причинами появления объектов этой науки, или давая объяснения, которые не удовлетворят и школьника.

Кстати, автор должен отметить, что он не указывает связи между эволюцией письменности и развитием торговли — по единственной причине: слишком бросается в глаза их полнейшая взаимная зависимость. Отсталый в торговом отношении Китай — до сих пор довольствуется своими идеограммами, но торговая Финикия — создала два тысячелетия назад наш современный алфавит из многочисленных египетских иероглифов, что, впрочем, не раз отмечалось историками культуры.

В предисловии к своему десятитомному цитируемому нами руководству для библиофилов известный французский библиолог Эдуард Рувейра приводит слова другого библиолога, Жюля Жанена: «Известно, что из книг, которые трудно написать, — книги по библиографии, больше, чем всякие другие, наполнены разными опасностями. Каждая часть изложения — является областью какого-либо ученого, который ничего не изучал, кроме своего предмета. Поэтому на каждой странице, каждый момент, по каждому случаю вы встречаете нового цензора, неизбежно указывающего, что вот здесь, в этом месте, при этом имени вы — неизбежно — ошиблись».

Автор настоящего труда помнил в каждой строке, при каждом имени, при каждой дате при каждом выводе это предостережение. Насколько ему удалось миновать здесь подводные камни — как их много в этом море невольных ошибок и сознательного извращения фактов! — скажет критика, — которая будет чем более объективно-суровой, тем более полезной.

Просьба — исправить перед чтением указанные в конце книги замеченные ошибки и опечатки, вкравшиеся из-за спешки печатания.

Автор приносит свою глубокую благодарность лицам, помогшим ему в этой работе: К. П. Новицкому, ректору Института Журналистики, благодаря моральной поддержке которого книга была написана; Н. П. Киселеву, охотно предоставлявшему литературу в хранилищах Румянцевского музея, давшему ряд ценных указаний и по части фактов и взявшему на себя труд просматривать листы по мере их напечатания, для указания ошибок (книга набиралась

по черновикам, вслед за написанием); своим помощницам по Музею Книги З. С. Кацауровой, Т. И. Пятницкой; С. И. Синябрюхову, Г. А. Законову, В. О. Касьянюку, В. В. Попову и всем тем, кто предоставлял автору пособия для работы и помогал ценными советами.

Книга напечатана узким корпусом без шпон, на бумаге среднего качества¹. Нетрудно высчитать, что при широком корпусе на шпонах и при плотной бумаге она разрослась бы в объемистый том, — что было бы лестно для автора, но удвоило бы ее цену. Институт Журналистики и автор стремились к удешевлению издания, чтобы сделать его доступным для студента и рабочего.

В 1906 году автор, грешивший и по части поэзии, поместил в сборнике, изданном журналистами в пользу бакинских ночлежников, поэму, где изобразил, как сумел, страдания пролетариата на протяжении веков. Поэма заканчивалась так:

«Грядущее царство... Ни голода нет, ни мучений; все равны, все братья... Нет бедности, нет и богатства. Все счастливы, все веселятся — не слышно ни стонов, ни слез. Машина раба заменила, работы немного... Всеобщее счастье... Дорогу грядущему счастью!»

Если этот наш труд хоть в самой малой степени явится вкладом в тот запас знаний, откуда черпают — и будут черпать — необходимый опыт для творчества искренние и на верном пути стоящие создатели грядущего царства социализма, — может ли быть большая награда для автора?

¹ Речь о первом издании. — Прим. изд.

Глава 1

ЗНАЧЕНИЕ КНИГОПЕЧАТАНИЯ

Долгая, трудная и сложная борьба человечества за достойную разумной человеческой личности, справедливую организацию жизни на Земле значительно облегчилась и ускорилась после наступления т. н. Нового времени. Если окинуть мыслью путь многих тысячелетий, пройденный человеком от окончания ледникового периода до XV века, и небольшую по времени дорогу от конца XV до XX века, то поражают колоссальные достижения в области как материальной, так и духовной культуры, имеющие место в последний период. Какое короткое время прошло от путешествия на лошадях по суше и на парусных кораблях по воде — до сооружения океанского парохода, скорого поезда и воздушного корабля! От закоснелого в религиозных и всяких других — казавшихся такими незыблемыми — предрассудках населения Европы XV—XVI веков, поголовно, за немногими исключениями, невежественного и полудикого, — как велик духовный путь до грамотного в большинстве, высококультурного в лице миллионов представителей, населения Европы и Америки XX века. И весь мир, живший зоологической жизнью в X веке, — в XX веке, вот уже пять лет, с лихорадочным любопытством наблюдает невозможный столетие-два назад опыт введения коммунистического строя, построенного на началах братства, равенства и справедливости — в величайшем по числу населения и территории государстве Европы.

Эволюция, несомненно, громадная, и далеко не праздным является вопрос, что дало толчок и способствует непрерывно столь быстрому росту материальной и духовной культуры.

Причин находится много: одни склонны думать, что главная из них — открытие Америки Колумбом в 1492 году, другие указывают на возрождение наук и искусств в Италии в XIV—XV веках, третьи даже на изобретение пороха в начале XIV века; однако следует принять во внимание, что изобретение пороха, принесло человечеству много бедствий, отразилось отрицательно на развитии духовной культуры, открытие Америки дало лишь механическую возможность объединения Старого и Нового Света, не создав в первые три века ничего в смысле духовного сближения Европы и Америки, а возрождение наук и искусств не могло иметь широкого значения без могучего помощника — *книгопечатания*.

Глава 7

КНИГОПЕЧАТАНИЕ В ЕВРОПЕ ДО ГУТЕНБЕРГА

По мере развития спроса на книгу, с появлением дешевой бумаги мы видим в XIII—XIV веках зарождение ремесленных цехов, — особенно в Голландии и Германии, — которые, с тем же разделением труда, кладут начало промышленному производству книги¹; здесь уже серьезно ставится вопрос о способах удешевления производства, и появляется резьба на деревянных, металлических, шиферных досках.

Источники происхождения резьбы для печатания нам не известны; возможно, что это — результат усовершенствования тех штампов, при помощи которых украшали рукописные книги; возможно и влияние с Востока, — в особенности, если мы обратим внимание на широкое общение с азиатскими народами во время крестовых походов (с XI века); не исключается возможность принесения этого искусства в Голландию армянами, составлявшими там большую колонию с самостоятельным епископатом. Если мы примем во внимание оживленные торговые сношения армянской колонии с Востоком — во-первых, и многочисленные указания на зарождение резьбы по дереву для промышленного печатания в Голландии — во-вторых, то этот путь происхождения в Европе выпуклой гравюры на дереве и металле получит большую вероятность.

Но вполне возможен и второй путь, совершенно независимый от первого, — путь проникновения искусства тиснения выпуклыми досками — через важнейший торговый порт этой эпохи, Венецию, из Малой Азии и Египта.

В музее г. Нюрнберга хранятся деревянные доски, относящиеся к V и VI векам нашей эры и служившие в то время обитателям долины Нила — коптам для тиснения красками на материях².

В Австрийском государственном музее, в Вене, находится несколько образцов магометанских молитв, напечатанных с деревянных досок арабами в X веке и найденных в египетском городе Арсиное³.

¹ См. подробности у *Lacroix*, цит. соч., вся первая половина книги. Рукописным книгам посвящен весь том VII *Connaissances nécessaires à un bibliophile*, par *Edouarde Rouvoyle*, Paris.

² *Pierre Gusman*, цит. соч., стр. 25.

³ *K. von Lützow*, цит. соч., стр. 6.

Рис. 3. «Брюссельская Дева» — гравюра на дереве 1418 г.

Глава 8

ГУТЕНБЕРГ И ЕГО ИЗОБРЕТЕНИЕ

Если о жизни и работах кого-либо из великих людей до нас дошли скудные сведения, то услужливое воображение легко заполняет недостающие пробелы в биографии, и полная картина его жизни легко создается, к услугам читателей и науки: так случилось с легендарной личностью Христа, так и с Гутенбергом.

Но, конечно, только *истина* — цель науки; и при изложении деятельности Гутенберга мы вынуждены отбросить соблазнительные, но ни на чем не основанные домыслы и ограничиться только материалом, данным современными Гутенбергу документами, изданными во время его жизни книгами и теми выводами, которые мы имеем право сделать, не нарушая строгой научности¹.

Хенне (Иоганн) Генцфляйш фон Сульгелох (по отцу) родился в Майнце, происходя из строго дворянского рода этого города; про его мать мы знаем мало, и лишь приняв ее фамилию — Гутенберг, — великий изобретатель увековечил ее память. Годом его рождения считается — совершенно условно — 1400 г.

Мы ничего не знаем и о детских годах и обучении Гутенберга: известно, что у него было несколько братьев и сестер (брат Конрад умер до 1424 г., брат Фриеле был жив еще в 1459 году; сестры Берта и Гебеле — монахини в монастыре св. Клары в Майнце).

В 1420 году в результате неурядиц между дворянством и мещанством Майнца, многие представители дворянства, в том числе и семья Генцфляйшей — Гутенбергов, должны были покинуть город. С этого момента мы теряем нить сведений о Гутенберге до 1434 года, которым датирован документ, показывающий, что первый книгопечатник находился в это время в городе Страсбурге; затем он побывал в Майнце и вновь вернулся в Страсбург, где, очевидно, обосновался и может быть женился на некоей Анне. Где провел Гутенберг свою молодость до 1434 года — неизвестно; фан-

¹ Наиболее ценный, свежий и строго научный материал для истории Гутенберга и книгопечатания при его жизни дают 11 выпусков изданий Gutenberg-Gesellschaft в Майнце, расположенных в пяти роскошно изданных томах с приложением многих факсимиле, из которых укажем: I — *dr. Gottfried Zedler*. Die älteste Gutenbergtype, 1902; IV — *ero же*: Das Mainzer Katholicon, 1905; VIII—IX — *Seymour de Ricci*. Catalogue raisonne des premières impressions de Mayence, 1911; X—XI — *dr. Konrad Zedler*. Die Bamberger Pfisterdrucke und die 36-zeitige Bibel, 1911.

Рис. 4. Гутенберг в рабочей одежде

Бехтермюнце, Гутенберг передал в аренду свою типографию, перевезенную в это время в Эльтвиль, арендные же деньги шли на покрытие долга Конраду Гюмери.

Пожив недолго в покое после своей тяжелой и зависимой от кредиторов жизни, Гутенберг умер в начале 1468 года; днем его кончины условно считают 2 февраля. Он был похоронен в церкви монастыря бенедиктинцев в Майнце, сгоревшего 21 июля 1793 года при осаде города французскими революционными войсками.

Между тем, Фуст и Шеффер восстановили после 1462 года свою типографию и продолжали дело; но Фуст умер, вероятно, раньше Гутенберга; существует предание, что он ездил в Париж для распространения там напечатанных книг; когда, в последний его приезд туда в 1466 году, свирепствовала чума, будто бы он хорошо сбывал напечатанные Библии, уверяя, что они предохраняют от заражения; что, впрочем, не помешало и ему умереть от этой эпидемии. Насколько это предание достоверно — сказать невозможно: во всяком случае, с 1465 года все следы существования Фуста теряются.

Таким образом, к 1468 году продолжает общее дело трех партнеров один Петр Шеффер — и живет до 1503 года, когда первая типография Гутенберга перешла к сыну Шеффера — Иоганну; затем следы этой типографии теряются около половины XVI века.

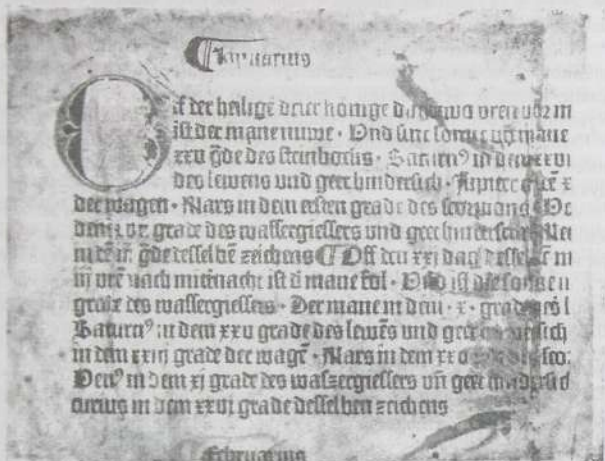

Рис. 5. Месяц январь из календаря Гутенберга на 1448 г.
Готический шрифт. Немного уменьшено

Historias ueteres peregrinaq; gesta reuoluo
Iustinus. lege me: sum trogus ipse breuis.
Me gallus ueneta Ienson Nicolaus in urbe
Formauit: Mauro principe Christophoro.

IVSTINI HISTORICI CLARISSIMI IN
TROGI POMPEII HISTORIAS LIBER
XLIII. FELICITER EXPLICIT.

.M.CCCC.LXX.

Рис. 6. Образчик литер, отлитых Николаем Иенсоном
Шрифт антиква, 1470 г.

Глава 24

КНИГОПЕЧАТАНИЕ В РОССИИ В XVII ВЕКЕ

После сожжения Печатного Двора в Москве Иван Грозный повелел вновь его отстроить, и в 1568 году типография снова работает под управлением Андроника Тимофеева Невежи в Никиты Тарасиева — вероятно, двух учеников Федорова и Мстиславца. Они с марта по декабрь 1768 года напечатали шрифтами типа «Апостола» 1564 г. Псалтирь. Затем судьба типографии неизвестна. В Александровской Слободе, — своей новой резиденции, Грозный приказывает Андронику Невеже завести типографию, куда переносятся принадлежности из Москвы и где вновь напечатана Псалтирь — обычный тогда учебник для детей. После чего, до учреждения патриаршества в Москве (1589 г.) после пяти лет царствования Федора Иоанновича, — неизвестно ни одного московского издания; вероятно, их и не было. Неизвестно также, чем вызваны были такие перебои в работе Печатного Двора. Во всяком случае, равнодушие по меньшей мере, духовенства налицо, так как иначе — печатание хотя бы церковных книг развивалось бы более успешно.

В 1589 году возобновляется работа Андроника Невежи в Москве, и издается Триодь Постная. За этой богослужебной книгой последовал ряд других, выходявших до 1611 года, когда, во время междоусобицы, Печатный двор был сожжен и мастера разбежались. Затем, с 1614 года, т. е. со второго года царствования Михаила Романова, мы имеем непрерывные сведения о Печатном Дворе, который постепенно расширялся, служа по-прежнему главным образом для печатания церковных книг. «С течением времени число станов возрастает... Но вид станков и способы пользования ими оставались одними и теми же»¹. В искусство печатания книг в это время — как, впрочем, и в последующие века — Россия, к сожалению, ничего своего не внесла, разве только способ исправления опечаток в книгах XVII века — которые затирали белилами при помощи кисточек, да вставку титлов от руки — в случае, если они ломались над литерами, как очень мелкие, при печатании².

¹ А. А. Покровский. Печатный Московский Двор в первой половине XVII века. Москва, 1913, стр. 8.

² Там же, стр. 27. Этот способ исправления напечатанного текста мы встретили в экземпляре первых петровских «Ведомостей», хранящемся в Рукописном от-

Рис. 32. Евангелист Лука — гравюра на дереве из «Апостола» 1564 г.

ЖИЮТЪ ПЛОДЮЮТЪ ПЯНЕТЪ КЪМЪ
 ЖИЮТЪ ПЛОДЮЮТЪ ПЯНЕТЪ КЪМЪ

Првѣ словѣхъ сотвори хъ оубо хъ .
 съидоша . онѣже научитѣ и , тѣ
 рѣчѣхъ иучити . днѣгоже днѣ ,
 запячѣдъ ама мѣ дхѣмъ стѣи ,
 и хъже изърабѣ змѣла . прѣнимѣже
 и прѣтѣлѣнѣеблѣжива прѣтѣрадѣнѣи
 скѣмъ . вѣмно зѣхъ истиннѣхъ знаме
 нѣхъ . днѣмѣ и тѣмѣ и сѣдѣмѣ и аклѣ
 ма и мѣ и гла иже оубѣвѣи бжѣи . ии
 мѣи ии дѣи , икѣлѣкѣи и мѣ ии прѣлаи
 ма ии оубѣтѣи . ии жѣдѣи оубѣтѣи
 ии . иже ии шѣи ии мѣи . иже ии шѣи
 ии крѣи ии стѣи ии дѣи . бжѣи ии мѣи крѣ
 стѣи ии дѣи дхѣмъ стѣи мѣи , ии прѣмно зѣхъ
 стѣи днѣ . онѣже ии оубѣи шѣи , ии прѣшѣхъ

вѣтѣи ии вѣлѣкѣи ии пѣсѣи . ии вѣдѣи ии ии
 стѣи

Рис. 33. Первая страница из «Апостола» 1564 г.

ГЕОМЕТРІА
СЛАВЕНСКИ
СЕМЛЕМЪРІЕ

Издана новопечатскимъ тиснениемъ.
повелѣниемъ благодетельнаго великаго государя
нашего царя, и великаго князя,

Петра Алексіевича,

всехъ владѣній, и земель, и обывающихъ росси самодержца
при благороднѣйшемъ государѣ нашемъ царевичѣ
и великомъ князѣ

Алексіи Петровичѣ,

въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ.

ВБЛѢТѢ ПРОЛОЖЕНА 7116 ОТЬ РОДСТВА ЖЕ ПО ПЛАНУ БОГА
СЛОВА 1708 БУДУЩА ПЕРВАГО.
ИЗДАНА МАРТЪ.

Рис. 34. Выходной лист из «Геометрии» 1708 г.

C. JULII CÆSARIS
COMMENTARIORVM
DE BELLO GALLICO,
LIBER I.

GALLIA est omnis divisa in partes tres: quarum unam incolunt Belgæ, aliam Aquitani, tertiam qui ipsorum lingua Celtæ, nostra Galli appellantur. Hi omnes lingua, institutis, legibus inter se differunt. Gallos ab Aquitanis Garumna flumen, à Belgis Matrona, & Sequana dividit. horum omnium fortissimi sunt Belgæ: propterea quod à cultu atque humanitate provinciæ longissime absunt, minimeque ad eos mercatores saepe comitant, atque ea, quæ ad effeminandos animos pertinent, important. proximi sunt Germanis, qui trans Rhenum incolunt, quibuscum continenter bellum gerunt. qua de causa Helvetii quoque reliquos Gallos virtute præcedunt; quod fere quotidianis præliis cum Germanis contendunt, quum aut suis finibus eos prohibent, aut ipsi in eorum finibus bellum gerunt. Eorum una pars, quam Gallos obtinere dictum est, imitium capit à flumine Rhodano: continetur Garumna flumine, Oceano, finibus Belgarum; attingit etiam à Sequanis & Helvetiis flumen Rhenum: vergit ad
A Septem-

Глава 27

КНИГА В РОССИИ В XIX И XX ВЕКАХ

Французское влияние понятно: в XVIII веке и Россия была захвачена в орбиту Парижа, как законодателя мод и хорошего вкуса. Если даже германские государства и Англия не устояли в этом отношении, то русское «высшее общество», чрезвычайно малообразованное, особенно было падко на внешний лоск Парижа, что дало так много пищи сатирикам из новиковских и других журналов. Но с «бонмо французского двора» к нам незаметно просачивалась и французская культура — главным образом в виде беллетристики, меньше — философии Вольтера, Руссо и Дидро. При просмотре старинных библиотек русских помещиков XVIII века — автору этих строк часто приходило на мысль, что эти библиотеки могли бы сойти за библиотеки французских дворян, так много в них французской литературы и — иногда — совсем отсутствует русская. Вместе с литературой к нам переселялись и французские книгопродавцы (Авг. Семен), типографы, переплетчики, конкурируя с немецкими и побивая их изяществом своих работ. В сущности, Лорк неправ в одном отношении: Россия, как и другие страны Европы, была и под сильным влиянием Франции, иногда — пользуясь для экспорта французских новинок посредничеством Германии, иногда, наоборот, — германские новинки получая из Франции. Лишь с середины XIX века, после расцвета германской промышленности, Россия перешла к поставщикам машин, красок, иногда — шрифтов из Германии, и это положение сохранялось до последнего времени.

Так, через Францию из Мюнхена пришла к нам литография. Д. А. Ровинский, со слов известного знатока русской старины М. И. Пыляева, рассказывает, что при вторичном вступлении русских войск в Париж (в 1815 г.) в числе чиновников был барон П. Л. Шиллинг, которому пришлось переписывать (по несколько раз) некоторые секретные бумаги. Ему сообщили, что в Мюнхене практикуется способ литографирования, который значительно облегчил бы его труд. Шиллинг получил командировку в Мюнхен, привез новинку в Петербург и там был назначен директором первой литографии при Коллегии иностранных дел. Насколько верен рассказ Пыляева — судить трудно, но 12 июня 1817 г. был издан именной указ о штате для литографического заведения при Колле-

Рис. 36. Пунсон

Рис. 37. Матрица

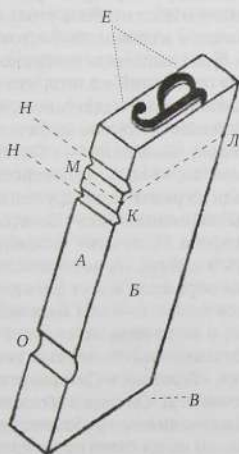

Рис. 38. Литера:

А — верхняя стенка; Б — боковая стенка; Е — очко литеры; ОН — сигнатуры (рубчики); МК — ширина литеры; КЛ — кегель литеры; ВТ — ножка литеры; ВЕ — рост литеры.

Между стенками литеры и очком буквы — заплечики

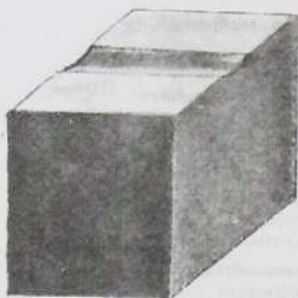

Рис. 39. Бабашка

Рис. 40. Типографский знак Ивана Федорова

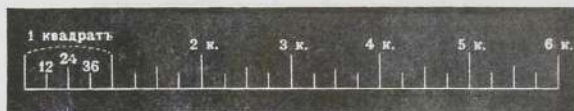

Рис. 41. Мерка квадратов

Рис. 42. Верстатка

Подвижная стенка, слева — с механической закладкой. За тремя набранными строками — видна наборная линейка

искусства книги при Госиздате, и, что гораздо важнее, — весьма видные достижения как Петроградского отделения, так и — в последнее время — Главного Управления Госиздата и Украинского Всеиздата в Киеве — не знаменуют ли все эти факты, что — впервые со времени изобретения книгопечатания подвижными буквами — наше искусство призвано мощно служить для создания книги хорошей, честной — в соответственном ее содержанию виде? Когда трудящийся — после тяжелого дня — найдет у себя на полочке книгу, в которой его никто не обманывает, — книгу, которая удовлетворит и своей внешностью строгого и знающего критика, — может ли быть лучший праздник для дорогой нам области искусства?

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГР РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49